

Глава 2. Поселение на месте

Цзян Бай вновь наблюдала за тем, как её питомец переходит от робкого оживления к полному унынию. Её брови слегка сошлись у переносицы, а во взгляде промелькнуло нечто пугающее. Голос женщины прозвучал с явственной прохладой:

— Что такое? Не желаешь признавать меня своей хозяйкой?

В душе Юной Главы Секты шевельнулось раздражение. Она не считала себя плохим человеком, так неужели она настолько плоха, что ею брезгует даже кошка?

Почуввав перемену в её тоне, Цзи Чжу так и подскочила на месте. Она поспешила задобрить заклинательницу, преданно потираясь мордочкой о её пальцы. Кошка отчаянно хотела всё объяснить, но вместо членораздельных слов из её горла вырывалось лишь тонкое, жалобное «мяу».

Цзи Чжу:

«...»

Цзян Бай опустила взгляд на малышку. Слушая её тихий писк, женщина почувствовала, как гнев понемногу утихает, хотя неприятный осадок всё ещё оставался.

— Раз не возражаешь, то впредь веди себя послушно. Я не люблю лишнего шума, так что старайся помалкивать, — холодно бросила она, но, встретившись с совершенно непонимающим, ошеломлённым взглядом питомца, запнулась.

Она испытала острое чувство досады.

«С чего я вообще вздумала вести беседы с этим существом? — Цзян Бай с раздражением посмотрела на кроху. — Каким бы смышлённым ни был зверь, лишенный духовного начала, он всё равно не поймёт ни слова»

Она одарила кошку холодным прищуром и добавила:

— А теперь слезай. И запомни: это моя постель. Впредь не смей сюда забираться.

Едва произнесла это, Цзян Бай вновь разозлилась на саму себя — ну почему она продолжает с ней разговаривать?!

Впрочем, на этот раз Котёнок, кажется, уловил суть. Кошка неуверенно поднялась на лапы,

оглядела себя с каким-то странным любопытством, а затем вскинула голову. Прежде чем сделать первый шаг, она одарила хозяйку высокомерным взглядом, и Цзян Бай показалось, будто та издала недовольное ворчание.

В следующее мгновение Юная Глава Секты с каменным лицом наблюдала, как котенок, попытавшись гордо удалиться, запутался в складках одеяла и зарылся носом в подушки. Только маленькие уши обиженно подрагивали.

Вытянув питомца за шкурку, женщина увидела, что тот, кажется, всерьез разозлился на собственные конечности. Кошка сердито уставилась на свои лапы и уже замахнулась передней, чтобы отвесить оплеуху другой, но едва сделала это...

Цзян Бай смотрела, как котенок снова завалился на бок, и всерьез задумалась, правильным ли было решение оставить это существо у себя. У него были не только слабые ноги, но и, судя по всему, не всё в порядке с головой.

Цзи Чжу лежала пластом, не в силах оправиться от позора. Когда же шок прошел, в её душе зазвучал исполненный праведного гнева вопль.

«Да я же человек! Я всю жизнь ходила на двух ногах, как мне привыкнуть к четырем сразу?!»

«О боги, за что мне это? — сокрушалась она. — Я что, в прошлой жизни разграбила могилу предков самого Неба, раз должна терпеть такой позор?»

Глядя на кошку, которая выглядела так, будто из неё вылетела душа, Цзян Бай решила не придирается. В конце концов, она была бы слишком мелочной, если бы стала всерьез спрашивать с неразумного зверя. Поэтому приказ немедленно убираться с кровати так и не был повторен.

***

С этого дня Цзи Чжу окончательно обосновалась в Секте Радостного Единения, смирившись с ролью того самого короткоживущего «духовного питомца», о котором читала в романе. Она рассудила здраво: в книге ту кошку убили из-за того, что она сама нарывалась на неприятности и злила демоницу. Если она будет вести себя тише воды ниже травы, то, глядишь, и голова останется на плечах.

К тому же, при такой покровительнице можно было рассчитывать на сытую и спокойную жизнь. Став крохотной кошкой, лишенной всякой защиты, Цзи Чжу не могла не дрожать от страха, но вскоре её тревога начала угасать.

Оказалось, что в Секте Радостного Единения живется просто чудесно!

Хозяйка, хоть и обдавала её периодически холодом, никогда не била и не обижала. А остальные адепты и вовсе души в ней не чаяли — все как на подбор красавицы с добрыми сердцами! Малышку это совершенно не пугало.

Цзи Чжу лакала теплое козье молоко, которое принесла Старшая Сестра Цюн Инь, и покорно позволяла ей гладить себя по голове. Она уже привыкла, что за еду приходится расплачиваться собственным телом, позволяя себя тискать.

Больше всего ей нравилась именно Цюн Инь. Она была невероятно красивой и нежной, её мягкий голос ласкал слух, а руки касались шерстки именно с той силой, которая была приятна кошке.

Вот только... при мысли о будущем Старшей Сестры молоко сразу потеряло свой вкус.

В книге Цюн Инь погибла от рук врагов главного героя. Она до последнего вздоха спасала людей в охваченном чумой городе, но стоило толпе узнать о её принадлежности к «порочной» Секте Радостного Единения, как вчерашние пациенты, еще мгновение назад молившиеся на неё, принялись осыпать её проклятиями и грязными словами, называя бесстыдной распутницей.

Враги же героя, посчитав её лишь очередной наложницей из его гарема, замучили девушку до смерти, а затем выставили её тело на поругание у городских ворот, отдав его на растерзание птицам.

И те самые беженцы, что выжили благодаря её лекарствам? Они лишь плевали в сторону её останков, утверждая, что такая грязная женщина заслужила свою участь.

Если и был в этом романе персонаж, которого Цзи Чжу было жаль по-настоящему, то это была Цюн Инь. Всю жизнь она посвятила медицине и помощи ближним, но погибла из-за чужой злобы и людского лицемерия.

— Ой? Больше не хочешь? Что-то ты сегодня совсем мало съела.

Нежный голос заставил кошку вздрогнуть. Пальцы Старшей Сестры легонько почесали её за ушком. Цзи Чжу зажмурилась от удовольствия, невольно прижимая уши и послушно замирая.

«Такой добрый человек не заслуживает подобного конца. Но что может сделать обычная кошка, чтобы изменить судьбу?»

Цзи Чжу терзалась сомнениями. Почему она переродилась не в какого-нибудь божественного зверя или могучего демона? Тогда бы она смогла защитить сестру, сразиться за неё. А сейчас любой может раздавить её одним ударом.

— Сестра.

Раздался холодный, бесстрастный голос. Цзи Чжу нехотя открыла глаза — по одной этой интонации она поняла, что Цзян Бай чем-то недовольна. Кошка увидела, что хозяйка смотрит на неё с явным раздражением.

«Я-то тут при чем? — недоумевала она. — Я же её не трогала!»

— Опять тренировка закончилась так рано? — Цюн Инь с улыбкой обернулась к вошедшей.

Заметив рану на левом предплечье девушки, она тут же посерьезнела, вскочила с места и силой усадила Цзян Бай на стул, принимаясь обрабатывать порез.

— Пустяки, скоро само затянется, — бросила та, видя беспокойство сестры.

— Но кровь-то еще идет! — Цюн Инь даже не взглянула на неё, сосредоточенно накладывая повязку.

Цзян Бай не стала спорить. Она заметила, что котенок не сводит глаз с её раны, и то раздражение, что вспыхнуло в ней при виде идиллии между сестрой и питомцем, мгновенно испарилось.

«Похоже, она всё-таки признает во мне хозяйку. Волнуется».

Однако Цзи Чжу в этот момент думала совсем о другом. Её поражало, насколько Цзян Бай наплевательски относится к собственному телу. За те полмесяца, что кошка провела здесь, она как минимум десять раз видела её раненой. Если бы не Цюн Инь, эта женщина, кажется, так бы и ходила с открытыми порезами, дожидаясь, пока кровь остановится сама собой.

Старшая Сестра закончила перевязку и, глядя на бледное лицо Цзян Бай, не выдержала:

— А-Бай, ты и так уже лучшая. Не нужно так истязать себя.

В нынешнем мире совершенствования едва ли нашелся бы кто-то из молодого поколения, способный сравниться с Цзян Бай. Слово «гений» было слишком слабым, чтобы описать её талант.

Юная Глава лишь тонко улыбнулась, промолчав. Её сила была велика, но ей этого казалось мало. Она еще не была неуязвимой.

Цюн Инь ушла, тяжело вздыхая. Несмотря на статус Старшей Сестры, она почти всё время

отдавала медицине и алхимии, достигнув лишь ступени Золотого Ядра. Цзян Бай же была иной. Её талант был поразительным, её с детства готовили к роли будущей главы, и никто не знал, каков предел её истинных возможностей.

Заклинательница очистила одежду заклинанием и посмотрела на недопитое молоко.

— Сегодня ты совсем не ешь?

Услышав это, Цзи Чжу едва не поперхнулась воздухом. В этом голосе ей почудился намек на то, что обычно она ест за троих!

«Да разве я много ем?! — возмутилась кошка. — И вообще, я растущий организм, мне положено!»

Заметив забавное выражение на мордочке питомца, Цзян Бай невольно улыбнулась. Всё-таки в этом котенке была своя прелесть — иногда он неплохо умел развлекать.

— Ешь давай, а то проголодаешься ночью — ко мне не подходи, — она подхватила кошку за загривок, развернула к миске, а сама принялась протирать меч.

Цзи Чжу, оказавшись в таком положении, лишь беззвучно выругалась.

«Эта девица вообще не знает, что такое нежность! Вечно таскает меня как вещь!»

Глядя на свое смутное отражение в молоке, кошка невольно залюбовалась собой. Пусть в кошачьем мире рэгдоллы считались «неудачными» из-за своего характера, но для людей она была настоящей красавицей! А её редкий пламенный окрас и вовсе был сокровищем. На солнце она казалась отлитой из золота — ну разве не чудо?

Долакав молоко, Цзи Чжу, уже более-менее привыкшая к управлению четырьмя лапами, медленно подошла к краю стола и заглянула вниз.

«О боги... Мамочки, как высоко!»

Юная Глава Секты, убрав меч, с интересом наблюдала, как котенок сначала робко высунул голову, тут же втянул её обратно и, поджав все лапы, буквально уткнулся носом в столешницу.

— Бесплезное создание, — бросила она.